

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертационное исследование Соловьева Павла Константиновича
на тему «Становление и развитие единоверия в Самарской губернии во
второй половине XIX – начале XX века», представленное на соискание
ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. –

Отечественная история

Церковный раскол XVII в. – особая тема в истории России и русского православия. Его вполне обоснованно рассматривать не только как один из поворотных моментов религиозного развития российского общества, но и как отражение глубинной культурно-психологической эволюции Московского царства. Очевидно, что произошедшее стало для страны своеобразной точкой бифуркации, когда на передний план вышла дилемма цивилизационного самоопределения: встраивание в пространство вселенского православия, либо дальнейшая этнизация и, как следствие, этнокультурная изоляция. Ни тот, ни другой выбор не мог остаться без последствий, в любом из случаев обещающая быть эпохальной. Отсюда становится понятным то внимание, которое историки и в целом интеллектуалы уделяли и уделяют данной проблеме, сохраняющей актуальность в зримом конфессиональном размежевании.

В христианстве раскол не может считаться нормой. Идеологи его верования уже на заре церковной истории провозгласили интегрирующий надэтнический и общесоциальный императив: «Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал., 3: 28). Осознание противоестественности возникшего противоречия между религиозной доктриной и исторической реальностью, вызревшего на русской почве к XVII в., вылилось в попытку преодоления духовного разрыва через «единоверие» – форму добровольного воссоединения старообрядчества и господствующей церкви на основе взаимного компромисса. Реализация указанной идеи хоть и не была осуществлена в полной мере, но все же

значительно повлияла на ход истории Русской церкви в сторону ее усложнения, что в последующем и в научной плоскости обернулось закономерным дроблением единой проблематики, когда частный вопрос единоверия трансформировался в самостоятельное исследовательское направление. Указанное нашло отражение, к примеру, в работах Т.Н. Гусейновой, О.А. Павловой, Р.А. Майорова, А.С. Палкина и др. Объективно такой ситуации способствовала неоднородная структура российского культурно-исторического пространства с присущим ему многообразием региональных локалитетов, характеризующихся целым комплексом специфических черт, подчас предстающих в довольно сложной конфигурации. В каждом из случаев, это требует специального анализа. Судя по всему, диссертационное исследование П.К. Соловьева ориентировано на одну из таких задач, решение которой предпринимается им на материале Самарской губернии второй половины XIX – начала XX в.

Во Введении диссертант уверенно ставит научную проблему, обосновывает актуальность темы, формулирует цель и задачи исследования, определяет его объект и предмет, территориальные и хронологические рамки. Внимание к вопросу задействованной терминологии можно отнести к очевидным достоинствам диссертации. Анализ литературы по теме выглядит обстоятельным, нацеленным на максимальное раскрытие специфики каждого из этапов историографии, выявление достоинств и недостатков научных работ. Это видно хотя бы по попытке инициирования дискуссии с отдельными специалистами по спорным моментам (С. 15). Как результат, на поверхность проступают узловые проблемы всего историописания. Так, касаясь обобщающих исследований, диссертант констатирует, что они характеризуются «нехваткой материалов по истории регионального единоверия, которые порой используются с достаточно большими хронологическими лакунами, что, в свою очередь, не позволяет проследить динамику развития единоверия с учетом местной специфики» (С. 17).

Источниковая база диссертации достаточна и структурирована в традиционном ключе. В исследовании задействованы как материалы центральных, так и региональных архивов, а значительная часть источников впервые вводит-

ся в научный оборот. Анализ источников в целом не вызывает вопросов. Однако и его можно было бы сделать развернутым. Так, подчеркивая ключевое значение в вопросе зарождения единоверия «Увещаний во утверждении истины» Платона Левшина и неоднократно ссылаясь на этот источник, автор не предпринял специальной попытки анализа этого важного документа, содержащего концептуальные основы взгляда государства и церкви на поднятую проблему (раздел 1.1.). Содержание работы построено по проблемно-хронологическому принципу с упором на дедуктивный подход – от общего к частному, что позволило проникнуть в суть заявленной проблемы. Наряду с общенаучными и общесторическими методами, автор задействовал и конкретно-исторические, конкретно-проблемные методы, в том числе статистические.

Диссертация состоит из Введения, трех глав (по три параграфа в каждой), Заключения и Списка использованных источников и литературы.

Глава 1 посвящена анализу единоверия как формы преодоления старообрядческого раскола в общероссийском и региональном аспектах во второй половине XVII – начале XX вв. П.К. Соловьев отмечает, что «Книжная справа» стала причиной не только религиозного, но и политического раскола. Это способствовало особому интересу государства к данному вопросу. Однако репрессии, на которые сделал ставку правящий класс, успеха не имели. Это предопределило поиск компромиссных путей выхода из сложившейся ситуации (С. 55). Примечательно, что необходимость в этом испытывали все стороны конфликта: старообрядцы – в силу потребности в священстве и социальной легализации, господствующая церковь и государство – исходя из стремления восстановления полного политического контроля и умиротворения общества. Тем не менее предложенные варианты имели половинчатый характер, поскольку обходили стороной ключевые вопросы рукоположения единоверческого епископата и отмены «клятв» на старый обряд (С. 56). Решением стало усиление властного нажима на старообрядчество, которое, впрочем, имело весьма неоднозначные последствия. Таким образом, отмечая постепенную интеграцию части старообрядцев в лоно Русской церкви через единоверие, автор констатирует сохране-

ние его базовых проблем вплоть до Поместного собора 1917–1918 гг., фиксируя принципиальную контрассимиляцию интегрируемой группы (С. 56).

Исследованные П.К. Соловьевым местные материалы, касающиеся Саратово-Самарского региона, дают основание утверждать, что ситуация с единовением здесь в целом шла в общероссийском русле. Однако не в ущерб локальной специфике. Так, роль государства и государственного принуждения в вопросе вовлечения в единовение просматривается весьма отчетливо. По мнению автора, показателем этого выступает ответная реакция верующих в форме «мнимого единовения», а также массовые отпадения новообращенных единоверцев в раскол (С. 75). Тем не менее неудачи и перегибы на местах не привели к полной дискредитации идеи религиозной интеграции, не сделали ее нежизнеспособной. Постепенный же переход к конвенциональным методам обращения во второй половине XIX в., таким как проповедь и пастырские увещевания, выравнивал ситуацию и сгладил остроту противоречий в церковном пространстве региона (С. 93).

Глава 2 акцентирует внимание на эволюции системы единоверческих приходов в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Автор рисует довольно сложную картину церковно-административной конфигурации, сложившуюся в регионе в обозначенный период. При этом выделяется магистральная линия ее продуктивных изменений – постепенное воплощение идеи единоверческого епископата. Ее полная реализация, впрочем, была пресечена революционными событиями (С. 113). Положительные тенденции были характерны, в частности, и для миссионерской деятельности единоверческого духовенства, при поддержке правящих архиереев сумевшего превратить единовение в «успешный миссионерский проект», эффективно балансировавший «старообрядческий раскол» (С. 113). Данный вывод П.К. Соловьев подкрепляет статистическими данными, наглядно демонстрирующими преодоление к началу XX в. численного «проседания» единоверцев, их превращения в устойчивую конфессиональную (?) группу.

В Главе 3 анализируется формирование внутренней идентичности единоверцев Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Диссертант отмечает, что специфическая социально-религиозная идентичность единоверцев формировалась в сложных условиях недоверия и подозрительности как со стороны последовательных старообрядцев, так и членов официальной церкви – духовенства и мирян. Тем не менее к началу XX в. данный процесс практически завершился, и единоверцы стали представлять собой устойчивый социальный конструкт, базирующийся на приверженности его членов дониконовскому обряду и канонической интегрированности в «новообрядное окружение» (С. 173). При этом внутренняя организация единоверческих общин сохраняла традиционные черты – особенность, которую старались не подвергать ревизии даже епархиальные преосвященные. Таким образом, следование старинным принципам самоорганизации способствовало довольно сложному и комплексному характеру социально-религиозной идентичности единоверцев. Значительный вклад в ее формирование внесло и «школьное дело», эксплицитно ориентированное на сохранение древней богослужебной традиции (С. 213–214). Четко выраженная миссионерская направленность учебной программы, с одной стороны, обеспечивала кадровое воспроизводство единоверческого духовенства, а с другой – способствовала совершенствованию инструментария эффективного противодействия расколу. По мнению автора, с этой задачей единоверческие учебные заведения в целом успешно справлялись.

В Заключении П.К. Соловьев делает выводы по проделанной работе, которые в основном обоснованы, конкретны и содержательны, объединены внутренней логикой.

Несмотря на очевидные достоинства, работа имеет и некоторые концептуальные, композиционные и технические недостатки.

Первое положительное впечатление от диссертации несколько оттеняется перегруженностью введения. Учитывая особую важность разделов историографии, источников, терминологии и методологии, целесообразным видится их выделение в отдельную главу. По нашему мнению, содержание введения не

должно быть избыточным, какими бы традиционными подходами это не обосновывалось. Его задача – ввод читателя в суть представленного исследования. Поэтому такие качества введения как лаконичность, точность и одновременно информационная емкость имеют принципиальное значение.

У диссертации, в сущности, отсутствует продуманная теоретическая основа. Учитывая факт, что функции научного (в данном случае – исторического) исследования сводятся к принципу «знать, чтобы предвидеть», следовало бы дать причинное объяснение рассматриваемым событиям, исходя из комплекса теоретических представлений автора. Иными словами, теоретическая составляющая в работах подобного плана выступает несущей конструкцией; она предшествует исследованию, нацелена на его объяснение и в целом определяет научно-поисковую ситуацию в диссертации. К сожалению, автор проигнорировал это требование, ограничившись формальным подходом, вследствие чего сочинение потеряло в основательности, а теоретический вектор исследования остался неопределенным.

Налицо и слабая проработка общего исторического контекста. Между тем, в работах по историческим наукам данный аспект является ключевым, подчеркивающим системность подходов исследователя. Автор искусственно замыкается в сугубо церковной проблематике, упуская из виду, что церковь одновременно является социальным институтом, в полной мере испытывающим на себе влияние политических, социальных, экономических, культурных и прочих процессов. Она не может не быть погружена и в социально-психологическую атмосферу своего времени. Без понимания этого невозможно комплексное и адекватное представление как о церковной реформе патриарха Никона, так и о последствиях данного события в виде того же единоверия. Так, специалист по расколу С.В. Лобачев в одной из своих работ делает глубокомысленное замечание на этот счет: «борьба за чистоту православия, развернувшаяся в первой половине XVII в., выходила за рамки чисто религиозной полемики. Благодаря усвоению русскими людьми концепции «Москва – третий Рим», ориентированной на культурный изоляционизм и резко негативное от-

ношение к любому внешнему влиянию, чистота веры была возможна только в пределах Московского царства. Поэтому любое отступление от православных канонов расценивалось не только как ересь, но и как измена родине. Преступление против церкви было равносильно преступлению против государства. О том, насколько тесно были переплетены понятия чистоты православия и преданности династии, свидетельствуют исповедные формулы первой половины XVII в.»¹. Отсюда в ином свете предстает процесс возникновения единоверия — кардинально изменилась валентность государственной идеологии. Теперь она эксплицитно нацелена на форсированную интеграцию России в общеевропейское культурное пространство, достигнув своего апогея в «общехристианских» эсхатологических чаяниях «Священного союза». Сомнительно, чтобы диссертант, будучи историком по образованию, не был об этом осведомлен. И все же он ограничил свое интереснейшее и, безусловно, качественное исследование узкими рамками краеведческих штудий.

Реконструкция событийного ряда с нашей стороны вопросов не вызывает. Представленная фактура непротиворечива и обоснована источниками. Материал в целом позволяет составить представление, как о явлении единоверия, так и его эволюции, а также месте в церковно-административной системе избранного региона. Особый интерес вызывают подходы автора к определению религиозной идентичности единоверцев. Тема идентичности сама по себе сложна и относится к области историко- и культурно-психологической, что закономерно требует специальной методики исследования и широкой, насыщенной источниковой базы. Очерчивая условия постепенного формирования идентичности единоверцев, П.К. Соловьев рисует драматическую картину их неприятия старообрядцами, порицаний и даже физических расправ. Для вчерашнего старообрядца переход в единоверие, как правило, означал разрыв родовых связей, отторжение членами «материнских» общин, друзьями и знакомыми (С. 156). Однако мотив перехода, в большинстве основанный на имманентном интеллекту-

¹ Лобачев, С. В. Патриарх Никон. СПб.: «Искусство-СПБ», 2003. С. 48.

альном поиске человека, нередко оказывался сильнее угрозы социальной отверженности или изоляции, а обрядовый вопрос в указанных обстоятельствах и вовсе отступал на задний план. Как отмечает автор, важным фактором перехода в единоверие было особое почитание святых господствующей церкви, повышавшее эффективность индоктринации конвертитов. Вместе с тем гражданские власти и духовенство принимающей церкви, не обращая внимания на перечисленные трудности единоверцев, часто недальновидно усматривали в их стремлении сохранить свою богослужебную самобытность «потенциальную возможность уклонения в раскол» (С. 162). Все это многократно усложняло и без того непростое положение единоверческих общин и их членов.

К сожалению, столь замечательно начавшийся анализ обрывается диссертантом на полпути, а вектор раскрытия вопроса неожиданно отклоняется в сторону. В итоге, для нас осталась загадкой структура идентичности единоверцев не только как религиозной, но и социальной общности, ее вербальные и невербальные маркеры, специфика поведенческих практик (если таковые имели место). Обозначенная проблема, в некотором роде, коррелирует с взглядом П.К. Соловьева на единоверцев как на конфессию (С. 148). Позволим себе не согласиться с данным утверждением и пригласить автора к дискуссии на предмет терминологической точности: конфессия или же субконфессия? По нашему мнению, единоверчество целесообразно и вполне обоснованно рассматривать именно как субконфессию «официального» православия на том основании, что канонически являясь частью последнего, оно отличалось лишь второстепенными признаками. Между тем, конфессия предполагает известную степень религиозной независимости, характерную для вероисповеданий в рамках той или иной религии.

Терминологический вопрос находит продолжение и в понятиях «каноническое» и «церковное» право (С. 110). Хотелось бы получить ответ, на чем основывается точка зрения автора на единоверие как на каноническую, а не, предположим, церковно-законодательную проблему? Известно, что «Правила единоверия» были утверждены императорским указом через синод (1800).

Иными словами, формально это чисто государственно-церковный правовой документ, а не комплекс норм, находящий основание в каноническом своде православной церкви (Книга правил).

Общее оформление диссертации производит благоприятное впечатление. Основное замечание касается разве что норм письменной речи. В государственных квалификационных работах все же следует исходить из требований современного русского языка: слова «церковь» «синод» и проч. пишутся с маленькой буквы.

Заявленные замечания существенно не снижают качества диссертации П.К. Соловьева и, по большей части, являются приглашением к дискуссии или носят уточняющий характер. В целом автору удалось решить поставленные задачи и достичь намеченной цели.

Промежуточные результаты исследования были опубликованы диссертантом в серии статей, в том числе входящих в перечень журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией. Положения, выносимые на защиту, основываются на тексте диссертации. Публикации, автореферат и диссертация по содержанию, объекту, предмету и методам исследования соответствуют паспорту специальностей по специальности 5.6.1. Отечественная история, а именно пунктам: 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; 7. История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности; 13. История взаимоотношений государства и религиозных конфессий. История религий и церкви в России; 18. Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества.

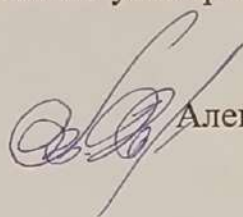
Таким образом, диссертационное исследование П.К. Соловьева «Становление и развитие единоверия в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века» соответствует требованиям, предъявляемым п.п. 9–11, 13 и 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в действующей редакции),

а ее автор достоин присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент:

доцент кафедры истории Татарстана,
антропологии и этнографии

Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
доктор исторических наук, доцент

Александр Анатольевич Хохлов

29.05.2025

Ф.И.О. автора отзыва: Хохлов Александр Анатольевич

Ученая степень, звание: доктор исторических наук, доцент

Специальность: 5.6.1. – Отечественная история

Место работы: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Должность: доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии

Почтовый адрес: 420100, Республика Татарстан, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3/45

Рабочий телефон: +7 (843) 292-05-26

E-mail: kazan_molodezh@mail.ru

